
Рина Манова
ЛЮБОВЬ
В
КИСЛОВОДСКЕ
18+
Серия романов “Любовь в ...”

Рина Манова

Любовь в Кисловодске

«Автор»
2026

Манова Р.

Любовь в Кисловодске / Р. Манова — «Автор», 2026

В первую же ночь в Кисловодске её украли из постели.Вероника Ларина различает на вкус сорок видов минеральной воды. Она приехала на три дня — продать бабушкин дом с ласточкиными гнёздами под крышей. Но ночью её увезли в горный аул: богатый застройщик Тамерлан Касаев говорит, что так велит обычай и свадьба будет в субботу. Ника быстро понимает: дело не в любви, а в земле под домом и в воде, которая двенадцать тысяч лет ждёт под чугунной крышкой.Она бежит в свадебном платье и прячется в машине горного спасателя Дамира. У него пёс весом семьдесят килограммов, шрам на подбородке и тайна, из-за которой ему нельзя верить.Впереди погоня по Кавминводам, где полиция на стороне похитителя, а бывший жених опаснее любого горца. И мужчина, который не станет решать за неё. Он просто спросит. При всех.Страстный роман о свободе выбора и о том, что вода и любовь всегда находят дорогу. 18+

© Манова Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Нарзан 6
Глава 2. Обычай 12
Глава 3. Чужая машина 18
Глава 4. Красные камни 23
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Рина Манова
Любовь в Кисловодске

Серия «Любовь в…» · Книга первая

Глава 1. Нарзан

Вода в Нарзанной галерее пахла ржавым гвоздём и праздником.

Ника стояла у медного крана с надписью «Доломитный нарзан», держала в руке пластиковый стаканчик и не пила. Сначала надо было посмотреть. Вода в стаканчике кипела без огня: пузырьки поднимались со дна тонкими нитками, лопались на поверхности и брызгали на пальцы холодной пылью. Мутноватая, чуть желтоватая на просвет — железо. Ника поднесла стаканчик к носу. Железо, да. И что-то ещё, мокрый камень после грозы. И очень далеко, на самом краю, — нота, которой она не знала.

Она сделала маленький глоток и подержала воду на языке.

Кислая. Колючая. Солоноватая у корня языка, сладковатая — почти незаметно — у самого кончика. Вода щипала нёбо, как газировка из автомата в детстве, только честнее. Потом ушла, и осталось послевкусие — длинное, металлическое, словно облизала ключ.

— Девушка, вы пить будете или молиться? — спросили сзади.

Ника обернулась. За ней стояла очередь: две женщины в одинаковых санаторных халатах под пальто, дедушка с трёхлитровой банкой в авоське и мальчик лет восьми, который уже держал свой стаканчик наготове, как пистолет.

— Извините, — сказала Ника и отошла.

Галерея была длинной, светлой, вся в высоких окнах и белых колоннах, и снаружи походила на английский вокзал, который по ошибке поставили в горах. Сто тридцать лет назад какой-то губернатор решил, что больные дворяне не должны пить целебную воду под дождём, и выписал из Англии чугунные конструкции. Ника читала об этом в поезде. В конце галереи, за стеклянной стеной, жил Главный нарзан — колодец, в котором вода ворочалась и кипела, как в кастрюле на большом огне. Над колодцем всегда стояли люди и смотрели вниз, будто ждали, что оттуда кто-нибудь вынырнет.

Ника допила стаканчик и записала в телефон:

Доломитный. Fe — ярко. Углекислота агрессивная, крупная. Минерализация средняя. Послевкусие — ключ. Странная нота в конце: возможно, кремний? Или я придумываю.

Она работала гидросомелье в ресторане «Исток» на Патриарших, и когда говорила об этом на свиданиях, мужчины начинали смеяться, а потом спрашивали, сколько за это платят. Платили неплохо. Ника составляла водную карту на сорок позиций — от исландской ледниковой воды, мягкой, как молоко, до кислого боржоми, который подают к хинкали. Она знала, почему японскую воду нельзя ставить рядом с устрицами, а норвежскую, напротив, нужно. Она могла с закрытыми глазами отличить «Ессентуки-4» от «Ессентуков-17», и однажды на спор сделала это в баре на Никитской при свидетелях, и выиграла бутылку виски, которую потом подарила бармену, потому что виски терпеть не могла.

Всё это, бабушка, говорила она мысленно, по-своему похоже на твою работу. Ты искала воду в земле, я ищу её в стакане.

Бабушка не отвечала. Бабушка умерла пятого августа, в восемьдесят четыре года, в своём доме на склоне Крестовой горы, и узнала об этом Ника из письма нотариуса. Не из звонка — из письма. Пятнадцать лет назад мама поссорилась с бабушкой так, что больше они не разговаривали, и Ника, которой тогда было двенадцать, приняла сторону мамы, потому что в двенадцать лет всегда принимаешь сторону того, с кем живёшь. Потом мама умерла. Потом Ника выросла. А потом стало поздно — и неловко, и совестно, и как-то всё время некогда, и каждый год в мае она собиралась позвонить на бабушкин день рождения и каждый год не звонила.

В письме нотариуса было три страницы о наследстве и один листок, вложенный отдельно. Листок был вырван из блокнота в клетку, и на нём бабушкиным почерком, крупным, твёрдым, с наклоном влево, было написано:

Ника. Дом твой. Делай с ним что хочешь, но сперва попробуй воду из сада. Ты поймёшь. Т.

И всё. Ни «дорогая», ни «прости». Бабушка никогда не тратила слов.

Нотариальная контора помещалась на Курортном бульваре, в старом доме с эркером, между магазином «Всё для бани» и кофейней, где варили кофе на песке. Бульвар полого поднимался вверх, к парку, и был весь золотой: стояла последняя неделя сентября, и липы начали желтеть с верхушек, будто их покрасили сверху из пульверизатора, а до низа краски не хватило. По бульвару медленно шли курортники с бутылками нарзана. Медленно — здесь все ходили медленно, и Ника, которая в Москве ходила со скоростью шесть километров в час, всё время в кого-нибудь врезалась.

На втором этаже в приёмной стоял кожаный диван, фикус в кадке и мужчина.

Мужчина смотрел в окно, заложив руки за спину. Высокий, в тёмно-синем костюме без галстука, с белой рубашкой, расстёгнутой на одну пуговицу. Широкие плечи. Седина на висках — ранняя, не по возрасту, на вид ему было лет сорок, не больше. Когда Ника вошла, он обернулся, и она увидела смуглое лицо с тяжёлыми веками и короткой чёрной бородой, подстриженной так аккуратно, будто её чертили по линейке.

— Вероника Андреевна, — сказал он без всякого вопроса в голосе.

— Мы знакомы?

— Теперь да. — Он слегка наклонил голову. — Тамерлан Касаев. Я ждал вас.

Дверь кабинета открылась, и оттуда выглянула нотариус, Элеонора Вадимовна, полная женщина с пергидрольной укладкой и очками на цепочке.

— Ой, вы уже познакомились! — обрадовалась она так, будто сама их сосватала. — Проходите, проходите, Вероника Андреевна. Тамерлан Русланович, вы пока посидите, хорошо?

— Я подожду, — сказал он и сел на диван, закинув ногу на ногу. Колено у него было острое, ботинок блестел.

В кабинете пахло корвалолом и духами «Красная Москва». Элеонора Вадимовна разложила бумаги, выдала ручку и долго объясняла, где подписать, где поставить дату и где написать «с моих слов записано верно». Ника подписывала. Наследство было простое: дом в два этажа, тысяча девятьсот одиннадцатого года постройки, называемый в документах «жилым строением литер А», и при нём участок в девятнадцать соток на улице Ласточкиной, на склоне Крестовой горы. Сбережений почти не было. Бабушка была гидрогеологом, сорок лет ходила по горам с буром и молотком, и платили ей за это не так чтобы много.

— Вступите в права в феврале, — сказала Элеонора Вадимовна. — Полгода по закону, вы же знаете. Но жить вы там можете уже сейчас, ключи вот. А продать — только после февраля. Хотя... — Она понизила голос, хотя в кабинете никого не было. — Хотя предварительный договор можно заключить и сейчас. Тамерлан Русланович готов внести аванс. Хороший аванс.

— Тамерлан Русланович хочет купить дом?

— Тамерлан Русланович хочет купить всю улицу, — сказала нотариус и почему-то посмотрела на дверь. — Он строит «Нарзан Палас». Видели рекламу в аэропорту? Пятизвёздочный, с бальнеологией, с вертолётной площадкой. Ваша бабушка была последней, кто не продал. Остальные — давно. Он очень щедрый человек, Вероника Андреевна. Очень щедрый. И очень... — Она поискала слово. — Последовательный.

Когда Ника вышла из кабинета, Тамерлан встал с дивана.

— Сорок миллионов, — сказал он вместо приветствия. — Это втрое больше рыночной цены. Я понимаю, вы устали с дороги и, может быть, расстроены. Ваша бабушка была достой-

ной женщиной. Мы с ней не сходились во взглядах, но я её уважал. Сорок миллионов, Вероника Андреевна, и вы улетите в Москву завтра бизнес-классом. Мои юристы всё сделают сами.

Он говорил очень спокойно и очень тихо, так что приходилось прислушиваться. Ника подумала, что так, наверное, говорят люди, которым никогда не приходилось повышать голос, чтобы их услышали.

— Я ещё не видела дом, — сказала она.

— Там нечего смотреть. Крыша течёт, проводка сорокового года, фундамент поехал после землетрясения в девяносто первом. Я присылал оценщиков.

— Бабушка их впустила?

Он улыбнулся. Улыбка у него была короткая, как вспышка фотоаппарата: зажглась и погасла, а лицо осталось прежним.

— Нет. Она спустила на них собаку.

— Значит, вы не знаете, что там смотреть.

Тамерлан не стал спорить. Он достал из внутреннего кармана визитку — плотную, кремовую, с тиснёным золотым барсом — и протянул ей двумя пальцами.

— Подумайте до завтра, — сказал он. — Это щедрое предложение. Я не люблю делать его дважды.

Ника взяла визитку. Их пальцы не коснулись — он держал карточку за самый край.

— А если я откажусь?

Он посмотрел на неё сверху вниз — не нагло, а внимательно, как смотрят на вещь, которую уже купили и теперь решают, куда поставить.

— У вас глаза Тамары Георгиевны, — сказал он вместо ответа. — Она тоже всегда спрашивала «а если». Хорошего вечера, Вероника Андреевна. Попробуйте нарзан у Главного источника. Он лучше доломитного.

И ушёл, не оглядываясь. На лестнице его шаги стихли сразу, будто он не спускался, а растворялся.

Ника стояла с визиткой в руке и думала: откуда он знает, что я пила доломитный?

Дом стоял в конце улицы, где асфальт кончался и начиналась грунтовка, усыпанная жёлтыми листьями. Улица Ласточкина была крутая, как лестница, и такси дальше не поехало — таксист, пожилой армянин в кепке, сказал, что подвеска у него одна, а Крестовая гора одна на всех, и высадил её у последнего фонаря.

Ника пошла пешком, с чемоданом на колёсиках, который подпрыгивал на камнях и орал на всю улицу. Слева тянулись новые заборы — высокие, из коричневого профнастила, за которыми ничего не было видно. На одном висела табличка: «Объект ООО Касаев Девелопмент. Охраняется». Справа заборов не было, там начинался лес — дубы, грабы, дикие груши. Пахло прелой листвой и дымом: где-то жгли листья.

А потом лес расступился, и она увидела «Ласточку».

Дом был деревянный, на высоком каменном цоколе, с резными наличниками, когда-то белыми, а теперь серыми, как старая кость. Второй этаж нависал над первым, и в углу его был фонарь — круглый застеклённый балкон с остроконечной крышей, похожий на шахматную ладью. Под стрехой, по всей длине карниза, лепились гнёзда — десятки ласточкиных гнёзд, серых, из глины, пустых: ласточки уже улетели. Крыльцо заросло диким виноградом, который покраснел к осени и горел на стене, как пожар.

Ника остановилась у калитки. Она помнила этот дом. Кусками, как сон. Скрип третьей ступеньки. Запах сушёной мяты на веранде. Бабушкины руки, которые резали яблоки на варенье, — коричневые, в мелких шрамах, с коротко остриженными ногтями. И как бабушка говорила: «Не реви. Вода не ревёт, вода дорогу ищет».

Ключ повернулся в замке туго, с хрустом. Внутри было холодно и пахло так, как пахнут дома, в которых два месяца никто не жил: пылью, мышами, закрытым воздухом. И ещё — бабушкой. Табаком, хотя бабушка бросила курить в семьдесят. Мятой. Старой бумагой.

Ника прошла по комнатам и включила везде свет. Проводка, вопреки словам Тамерлана, работала. В гостиной стоял буфет с цветными стёклами, круглый стол под вязаной скатертью и пианино, на котором никто никогда не играл. На стенах — карты. Геологические карты в рамках, исчерченные изолиниями, с синими кружками и красными стрелками, с подписями от руки. «Скв. 107-бис. Глуб. 340 м. Дебит 12 л/с». «Кисловодское месторождение. Нарзанная долина». И одна, самая старая, пожелтевшая, на которой был нарисован сам этот склон, Крестовая гора, а на нём — дом, крестик и подпись: «Т.К.»

Ника долго стояла перед этой картой. Т.К. Тамара... но бабушкина фамилия была Ларина. По мужу. А до мужа?

Она не знала. Она вообще почти ничего о ней не знала.

В кабинете на втором этаже, в фонаре, стоял письменный стол, и на столе было пусто. Совсем пусто — ни бумаг, ни ручек, ни очков. Ящики выдвинуты и тоже пусты. Будто кто-то прошёлся и вымел всё подчистую. Или бабушка сама убрала перед смертью. Ника открыла шкаф: полки с папками, но папки пустые, одни корешки с надписями. «Ласточка. 1976–1989». «Ласточка. 1990–2008». «Ласточка. Анализы». Всё пустое.

Телефон завибрировал в кармане. Глеб.

Ну как ты там, наследница? Не съели тебя горцы?

Ника посмотрела на сообщение и не ответила. С Глебом они расстались в марте, после трёх лет, и расстались, как ей казалось, по-взрослому — без битья посуды, с разделом книг и общим котом, которого Глеб забрал, потому что у него квартира больше. А потом Глеб начал писать. Сначала раз в неделю, потом через день. Что-то смешное, что-то про кота. В последний раз — позавчера, когда узнал, что она едет в Кисловодск: *Слушай, если что, у меня там партнёры есть, могу помочь с продажей, только скажи*.

Она не сказала.

Сад начинался прямо за домом и уходил вверх по склону, к лесу. Старые яблони стояли криво, как пьяные, и под ними лежали яблоки — жёлтые, мелкие, червивые, и пахли сидром. Дальше был малинник, одичавший, колючий, а за малинником, у самой каменной ограды, Ника нашла то, что искала.

Это был колодец — если это можно было назвать колодцем. Бетонное кольцо в метр высотой, заросшее мхом, а сверху — тяжёлая чугунная крышка, круглая, как люк. На крышке был выбит год — 1976 — и висел замок. Новый, блестящий, большой, явно не бабушкин.

Ника попробовала крышку. Не шелохнулась. Она приложила ухо к холодному чугуну и услышала — или ей показалось, что услышала, — как внизу, глубоко-глубоко, что-то шумит. Не как вода в трубе. Как дыхание. Как будто под землёй спало большое животное.

Попробуй воду из сада. Ты поймёшь.

Ключа от замка не было. Ника перерыла все ящики в доме, все банки на кухне, заглянула под половик. Ключа не было нигде. Был только замок — новый, чужой, и кто-то повесил его уже после бабушкиной смерти.

Стемнело быстро, как всегда в горах: солнце упало за хребет, и сразу стало холодно и синё. Внизу, в долине, зажёгся Кисловодск — россыпью, гроздьями, длинной цепочкой огней вдоль бульвара. Ника нашла в буфете бутылку бабушкиной наливки, налила полрюмки и вышла на веранду. Наливка была вишнёвая, густая, крепкая, как кулак. Ника выпила и закашлялась.

Над головой, под карнизом, темнели пустые гнёзда.

Она подумала: завтра я позвоню Тамерлану Касаеву и скажу, что не продаю. Пока не открою этот чёртов колодец. Он скажет, что не любит делать предложение дважды. Ну и пусть.

Она подумала ещё: а может, бабушка ошиблась? Может, нет там никакой воды, а есть только старая обида на человека с барсом на визитке, и обиду эту бабушка решила передать по наследству вместе с домом?

А потом она легла спать на бабушкиной кровати, под тяжёлым ватным одеялом, которое пахло мятой, и уснула сразу, будто провалилась.

Проснулась она от того, что скрипнула третья ступенька.

Сначала Ника подумала, что ей снится. Она помнила этот скрип с детства, он был частью дома, как запах мяты. Потом скрипнула четвёртая. И пятая. Тяжело, медленно, кто-то поднимался по лестнице и старался идти тихо, и не умел.

Ника села в кровати. Сердце колотилось так, что било в уши. Телефон — где телефон? На тумбочке. Она протянула руку и нащупала пустоту. Телефона не было. Она точно помнила, что положила его на тумбочку, рядом с рюмкой. Рюмка стояла. Телефона не было.

Дверь спальни открылась без стука.

В проёме стояли двое. Тёмные силуэты, широкие, в куртках, — свет из коридора бил им в спины, и лиц было не разглядеть. Третий остался на лестнице. Ника открыла рот, чтобы закричать, и один из них сказал очень мирно, почти ласково, с мягким южным выговором:

— Не надо кричать, сестра. Тут лес кругом. Никто не услышит, только горло сорвёшь.

— Кто вы такие?! Убирайтесь! Я вызову...

— Чем вызовешь? — Второй показал её телефон, повертел в пальцах и спрятал в карман. — Одевайся. Мы отвернёмся. У тебя пять минут.

Они действительно отвернулись. Оба, разом, как по команде, и встали лицом к стене. Это было так нелепо и так страшно одновременно, что Ника несколько секунд просто сидела, вцепившись в одеяло. Окно. Второй этаж, но под окном — крыша веранды. Если открыть окно...

Она спрыгнула с кровати, рванула шпингалет. Шпингалет не поддался — заело, краска, сто лет никто не открывал. Ника дёрнула ещё раз, и ещё, и в этот момент сзади её взяли за локти. Не грубо. Крепко, как в тиски.

— Ай, глупая, — сказал первый, тот, что с мягким голосом. — Я же сказал — одевайся. Не хочешь — поедешь так. В ночнушке. Тебе же хуже, ночью в горах холодно.

— Куда?! Куда поеду?!

И тогда с лестницы, оттуда, где стоял третий, донёсся голос — тихий, ровный, хорошо знакомый, хотя она слышала его только один раз, этим утром, в приёмной нотариуса.

— Отпусти её, Мурат. Пусть оденется сама.

Тамерлан Касаев поднялся на последнюю ступеньку и встал в дверях. Он был в той же белой рубашке, только без пиджака, и в чёрной кожаной куртке поверх. В руке у него была связка ключей, и Ника узнала среди них большой медный ключ от входной двери — бабушкин, второй экземпляр, который, по словам нотариуса, «пропал».

— Вы с ума сошли, — сказала Ника. Голос у неё сел и вышел хриплым. — Это похищение. Это уголовная статья. Вы понимаете...

— Это не похищение, — спокойно сказал Тамерлан. — Это сватовство. У нас так женятся, Вероника. Испокон веков. Мужчина выбирает женщину и забирает её в свой дом. Твоя прабабушка вышла замуж так же, и ничего, счастливая была.

— Моя прабабушка?..

— Ты многого не знаешь о своей семье. — Он отступил на шаг, давая ей пройти. — Оденься тепло. Дорога в аул долгая. И не бойся — я тебя пальцем не трону. До никаха никто тебя пальцем не тронет. Я не зверь.

Он повернулся и пошёл вниз. Третья ступенька скрипнула под ним — коротко, жалобно, как будто дом хотел что-то сказать и не смог.

Через десять минут Ника сидела на заднем сиденье чёрного «Прадо» между Муратом и вторым, молчаливым, с золотым зубом. В джинсах, свитере и кроссовках на босу ногу — носки она не нашла. Руки ей не связали. Это было хуже всего: никто даже не подумал, что их нужно связывать. Будто бежать ей некуда. Будто она уже — своя.

«Прадо» спускался по улице Ласточкиной без фар, ощупью, как слепой. Потом внизу фары вспыхнули, и машина свернула не к городу, а прочь — на юг, туда, где за последними огнями начиналась темнота и поднимались горы.

Ника оглянулась. В заднем стекле, высоко на склоне, в окне её спальни горел свет. Она забыла его выключить.

А может, это кто-то зажёг его снова.

Глава 2. Обычай

Дорога шла вверх так долго, что у Ники заложило уши.

Сначала был асфальт и редкие фонари, потом фонари кончились, потом кончился и асфальт. Машину затрясло на щебне. В свете фар проплывали столбики с облупившейся белой краской, кусты шиповника с красными ягодами, один раз — корова, которая стояла посреди дороги и смотрела в фары с философским равнодушием. Мурат посигналил. Корова не двинулась. Мурат вышел, сказал корове что-то на своём языке, долго и убедительно, и корова ушла.

В другой жизни Ника бы засмеялась.

Она старалась запоминать дорогу. Свернули налево у заправки с негорящей вывеской. Проехали по мосту через реку — река грохотала внизу, белая в темноте. Потом долго крутились по серпантину, и на каждом повороте фары уходили в пустоту, и тогда было видно, что там, за краем, ничего нет. Вообще ничего, даже дна.

Тамерлан ехал впереди на другой машине. Иногда на поворотах Ника видела его габаритные огни — два красных глаза в темноте.

— Сколько вам платят? — спросила она Мурата. Голос слушался плохо, но кричать больше не хотелось: в самом начале, у заправки, она закричала, и ничего не случилось, только золотозубый поморщился, как от громкого радио. — Я заплачу больше. У меня есть деньги.

Мурат повернул голову. В свете приборной панели его лицо было молодым, лет двадцати пяти, с редкой студенческой бородкой и очень усталым.

— Мне не платят, сестра. Я его двоюродный брат. За такое не платят. За такое говорят спасибо.

— Вы все его братья?

— Здесь все чьи-нибудь братья, — сказал Мурат со вздохом и отвернулся.

Аул назывался Ташлы, — она прочла это на ржавом указателе в свете фар, — и лепился к склону, как ласточкины гнёзда к карнизу. Дома стояли террасами, один над другим, и крыша нижнего была двором верхнего. Старые дома — из серого камня, плоские, с маленькими окнами. Новые — из жёлтого кирпича, в два-три этажа, с колоннами и балюстрадами, с синими металлическими крышами, которые блестели даже ночью.

Дом Касаевых был самым верхним. За ним аул кончался и начиналась гора.

Ворота открылись сами. Двор был большой, выложенный плиткой, с фонтаном посередине, который не работал. Слева — новый дом, три этажа, стекло и камень, что-то из журнала об интерьерах. Справа — башня. Настоящая старая башня, сложенная из дикого камня без раствора, высокая, узкая, с бойницами вместо окон, и Ника подумала: ну вот. Вот туда меня и посадят.

Но её повели в новый дом.

В холле горел свет, и стояли женщины. Шестеро или семеро, все в длинных юбках, с платками на головах — у кого тёмными, у кого светлыми шёлковыми, завязанными сзади. Они молча смотрели, как её вводят. Одна, пожилая, с прямой спиной и тонкими губами, шагнула вперёд, оглядела Нику с головы до босых ног в кроссовках и что-то сказала по-своему. Коротко и сухо. Женщины зашевелились.

— Это моя мать, Зарема, — сказал Тамерлан у неё за спиной. — Она говорит: худая. И ещё говорит, что тебя надо накормить и уложить. Иди с ними.

— Я никуда не пойду. — Ника повернулась к ним всем, к этим женщинам в платках, и сказала громко, чётко, как гостям в ресторане: — Меня похитили. Вы понимаете? Меня вытащили из постели и привезли сюда против моей воли. Вы женщины. Помогите мне. Позвоните в полицию. Пожалуйста.

Тишина. Где-то в глубине дома тикали часы.

Потом Зарема сказала по-русски, без акцента, вежливо:

— Полиция приедет на свадьбу. Майор Дронов с женой. Они уже приглашены. Идём, дочка. Ты замёрзла.

И она пошла. Потому что действительно замёрзла, и потому что вдруг поняла, что крик, слёзы и слова «уголовная статья» здесь не работают. Здесь работает что-то другое, и пока она не поймёт — что, она отсюда не выберется.

Её поместили на третьем этаже, в комнате с белыми стенами, белой кроватью и белым ковром, в котором ноги тонули по щиколотку. Свадебная комната — догадалась она. Комната для невесты, которую готовили заранее. На подоконнике стояли белые орхидеи в горшках, ещё с ценниками из супермаркета. Окно было большим, панорамным, и не открывалось вообще — у него не было ручки.

Ника проверила первым делом.

Еду принесла девушка. Молодая, лет двадцати двух, в джинсах и длинной тунике, без платка, с тёмной косой до пояса и с айфоном в заднем кармане. На подносе были хычины — тонкие, как блины, с картошкой и сыром, блестящие от масла, — и айран в глиняной кружке, и чай с чабрецом.

— Ешь, — сказала девушка и поставила поднос на кровать. — Не бойся, туда ничего не подсыпали. Я сама пекла.

— Кто ты?

— Лейла. Сестра Тамерлана. Младшая. — Она села на край кровати и посмотрела на Нику с таким откровенным любопытством, будто Ника была жирафом в зоопарке. — А ты правда пробуешь воду за деньги?

Ника молча смотрела на неё.

— Я твой инстаграм смотрела, — призналась Лейла. — Там видео, где ты с завязанными глазами угадываешь десять вод. У тебя сто тысяч просмотров. У нас вся группа смотрела. Я в Ставрополе учусь, в медицинском. На четвёртом курсе.

— Ты учишься на врача, — медленно сказала Ника, — и носишь еду девушке, которую твой брат похитил.

Лейла перестала улыбаться.

— А что мне делать? — спросила она тихо. — Не носить? Тогда принесёт мама. И с мамой тебе будет хуже, чем со мной. — Она встала, одёрнула тунику. — У нас давно так не делают. Правда. Воруют, когда девушка сама хочет, а родители против. Это как игра. А так, как с тобой, — это дикость. Бабушка бы его прокляла. Хорошо, что бабушка в Домбае, у тёти. Плохо, что бабушка в Домбае.

— Тогда помоги мне. Дай телефон. Один звонок.

Лейла покачала головой.

— Он проверяет. У него всё проверяется. И кому ты позвонишь? В полицию? Дронов с ним на рыбалку ездит. В Москву? Пока из Москвы кто-нибудь приедет, уже суббота наступит.

— Что будет в субботу?

Лейла посмотрела на неё так, будто Ника спросила, какого цвета небо.

— Свадьба.

Тамерлан пришёл утром.

Ника не спала. Она сидела в кресле у окна, завернувшись в белое покрывало, и смотрела, как светает над горами. Светало не сразу, а слоями: сначала посерело небо, потом проступили чёрные силуэты хребтов, один за другим, всё светлее и светлее, как на китайской гравюре. А потом, далеко на юге, что-то вспыхнуло розовым — как будто там зажгли лампу за матовым стеклом. Две белые вершины, седлом, выше всего, выше облаков. И она поняла, что это Эльбрус, и что видит его впервые в жизни, и что видит из окна тюрьмы.

Тамерлан постучал. Дождался ответа — она не ответила — и вошёл. Он был в тонком чёрном свитере, свежий, выбритый — то есть борода на месте, а всё вокруг выбрито, — и пахло от него дорогим деревом. Он сел на стул у двери, далеко от неё, и положил на колени папку.

— Эльбрус, — сказал он, кивнув на окно. — Из Кисловодска его видно только с Малого седла и с крыши моей гостиницы. Будущей гостиницы. Я подумал, тебе понравится.

— Вы подумали, мне понравится, — повторила Ника. — Вы влезли ко мне в дом ночью. Вы украли мой телефон. Вы привезли меня в горы и заперли. И вы думаете о том, чтобы мне понравился вид из окна?

— Да, — просто сказал он. — Я о тебе думаю. Это так странно?

Она рассмеялась. Смех вышел короткий и неприятный, как кашель.

— Чего вы хотите? Только без испокон веков. Вы человек, который строит пятизвёздочный отель с вертолётной площадкой. Вам не нужна жена по обычаю. Вам нужна моя земля.

Он кивнул — с уважением, как кивают сопернику за шахматной доской после хорошего хода.

— Мне нужно и то, и другое, — сказал он. — И не думай, что второе для меня меньше важно. Мне тридцать девять. У меня нет жены и нет сына. Моя мать считает, что это позор для рода. А ты — красивая женщина с хорошей кровью. В тебе наша кровь, Вероника. Ты не знала?

— Какая кровь? Мой дед был из Твери.

— Дед — да. А прадед — из Ташлы. Георгий Караев. Его дом стоял вон там, — Тамерлан кивнул вниз, на аул, — где сейчас магазин. В тридцать восьмом году он украл русскую учительницу из Кисловодска. Анну. Они прожили вместе до его смерти. В сорок втором у них родилась дочь Тамара. Тамара Караева. Потом она вышла за геолога Ларина и стала говорить, что она русская. Но в Ташлы все помнят, чья она дочь.

Т.К. На старой карте в бабушкиной гостиной.

Ника ничего не сказала. Она смотрела на Тамерлана, а видела бабушкины руки — смуглые, сильные, в шрамах, — и бабушкины чёрные глаза, которые мама называла «цыганскими», и бабушкин голос, который однажды, в детстве, спел ей колыбельную на непонятном языке, а потом сказал: «Забудь. Это не надо».

— И что, — сказала она наконец. — Раз мою прабабушку украли, то и меня можно? Это такая логика? Семейная традиция?

— Логика другая. — Он открыл папку. — В субботу будет никах. Мулла из Черкесска. В понедельник — загс, в районе, там всё сделают быстро. И в тот же день ты подпишешь доверенность на меня. Генеральную. На всё имущество и все дела. Нотариус приедет сюда.

— Элеонора Вадимовна, — сказала Ника.

— Элеонора Вадимовна, — согласился он. — Она любит свадьбы.

— А если я не подпишу?

Тамерлан закрыл папку и посмотрел на неё долго и спокойно.

— Опять «а если». — Он вздохнул, почти по-дружески. — Слушай меня, Вероника. Я никогда не ударил женщину. Ни разу. И тебя не ударю. Но ты провела ночь в моём доме. Завтра об этом будут знать все села от Теберды до Кисловодска. Тебе некуда будет вернуться. В твоём доме на улице Ласточкиной тебя никто не защитит — там теперь вокруг мои стройки, мои люди. В Москве тебя никто не ждёт. У тебя нет ни мужа, ни ребёнка, ни отца, ни матери. Ты совсем одна. А здесь у тебя будет семья. Большая семья. Я не злодей. Я делаю тебе предложение. Просто таким способом, каким его делали мои деды.

Он встал.

— Вы говорили, что не любите делать предложение дважды, — сказала Ника ему в спину.

Он остановился в дверях.

— Вот и не заставляй меня делать его в третий раз, — сказал он и вышел.

Замок щёлкнул снаружи. Два оборота.

Страх пришёл позже, к вечеру. Ника не знала, что страх умеет так: не взрывом, а медленно, поднимаясь от ступней к горлу, как вода в тонущей лодке. Она ходила по белой комнате от стены до стены — восемь шагов туда, восемь обратно, — и повторяла про себя, как молитву, состав «Смирновской»: гидрокарбонаты три тысячи двести, сульфаты тысяча пятьсот, хлориды четыреста, кальций... Это успокаивало. Цифры были на своих местах, даже если всё остальное сорвалось с мест.

У неё есть четыре дня. Вторник, среда, четверг, пятница. В субботу — никах.

Хорошо. Значит, четыре дня.

Ресторан научил её одной вещи: когда в зале пожар — в прямом или переносном смысле, — нельзя бегать. Надо улыбаться и смотреть. Смотреть, где выходы. Смотреть, кто поможет, а кто упадёт в обморок.

И следующие два дня Ника смотрела.

Она перестала кричать. Она ела всё, что приносила Лейла, и хвалила еду — искренне, потому что еда была прекрасная. Она попросила выпустить её во двор — «у меня клаустрофобия, я сойду с ума, и кому нужна сумасшедшая невеста?» — и Тамерлан, подумав, разрешил. С Лейлой. Под присмотром Мурата, который сидел на лавке у ворот и читал что-то в телефоне — как потом выяснилось, программу по сопромату: Мурат учился заочно в строительном.

Двор был закрыт со всех сторон. С одной — дом. С другой — башня. С третьей — ворота, стальные, в два роста. А с четвёртой — сарай, каменный, старый, с плоской земляной крышей, заросшей травой. И за сараем — Ника поняла это, когда услышала шум воды, — было ущелье.

В углу двора жила собака. Огромная, серая, с резаными ушами, на цепи. Она смотрела на Нику жёлтыми глазами и не лаяла. Вообще не издавала ни звука. Это было страшнее, чем лай.

— Это Арсенал, — сказала Лейла. — Он волка задавил. Не подходи.

Ника подошла на третий день. На длину цепи плюс шаг, ближе она не решилась. Села на корточки и положила на землю кусок сыра, который спрятала за завтраком. Арсенал посмотрел на сыр, потом на неё. Потом медленно, с достоинством протянул лапу, подтащил сыр к себе и съел в один приём. И всё так же молча.

— Ты тоже тут по обычаю, да? — сказала ему Ника. — На цепи. Наверное, твой прадед тоже сидел на цепи.

Арсенал вздохнул и положил морду на лапы.

За два дня Ника узнала: что в доме две ванные на её этаже, и в одной окно маленькое, под потолком, но открывается — и выходит оно на крышу сарая. Что в четверг вечером приедет портниха из Черкесска с платьем. Что на примерку соберутся все женщины дома, и мужчинам на примерку входить нельзя — примета. Что по четвергам Тамерлан уезжает в Кисловодск на стройку и возвращается поздно. И что внизу, под аулом, в трёх километрах по ущелью, есть трасса и шашлычная «У Аслана», где всегда стоят машины, потому что там лучший шашлык между Кисловодском и Карачаевском. Лейла сама рассказала — просто так, к слову, когда они сидели на лавке и смотрели на горы.

Или не просто так. Ника не спрашивала.

Платье было чудовищным и прекрасным.

Портниха — маленькая полная женщина с булавками во рту — внесла его в комнату на вытянутых руках, как икону. Белый атлас, целый сугроб атласа, расшитый золотом: золотые ветви, золотые птицы, золотые цветы по подолу и по длинным расширяющимся рукавам, которые свисали почти до пола. Спереди — застёжки, серебряные, чеканные, десять пар. К платью полагалась шапочка — высокая, тоже в золотом шитье, и с неё спускалась фата, прозрачная, длинная, как туман.

Женщины ахнули хором.

Их было девять человек в комнате: Зарема, Лейла, три тётки, две кузины, соседка и портниха. Все говорили одновременно, по-своему и по-русски вперемешку, все трогали атлас,

цокали языками и покачивали головами. Нику раздели до белья, и она стояла посреди комнаты, как манекен, пока на неё надевали сначала нижнее платье, тонкое, шёлковое, потом верхнее — тяжёлое, как броня. Потом застёжки. Потом пояс. Потом шапочку и фату.

И повернули к зеркалу.

Ника посмотрела на себя и не узнала себя. Из зеркала на неё смотрела чужая женщина — бледная, с кругами под глазами, с чёрными бровями и чёрными бабушкиными глазами, в золоте и белизне, как на старинной фотографии. Как прабабушка Анна, которой Ника никогда не видела. И, наверное, Анна тоже когда-то так стояла перед зеркалом и не узнавала себя.

А потом прожила с ним до его смерти.

Нет, подумала Ника. Нет.

— В талии велико, — сказала портниха сквозь булавки. — На два пальца. Похудела ты, девочка. А мне дали мерки на месяц раньше...

Ника переспросила бы, кто и откуда взял её мерки за месяц до того, как она сама узнала о наследстве. Но сейчас было не до того.

— Мне плохо, — сказала она и схватилась за горло. Это была даже не совсем ложь: платье давило, в комнате было душно и пахло девятью сортами духов. — Меня сейчас вырвет. Где ванная?

— Ай, только не на платье! — вскрикнула портниха.

— Сюда, сюда, — сказала Лейла и открыла дверь в маленькую ванную. Ту, с окном под потолком.

И на секунду, на одну секунду, посмотрела Нике в глаза.

Дверь закрылась. Ника повернула задвижку. За дверью женщины продолжали говорить — о талии, о булавках, о том, что все невесты перед свадьбой нервничают, а ещё русские, у русских всегда слабые желудки. Кто-то засмеялся.

Ника открыла кран — полностью, чтобы шумело. Встала на край ванны. Платье весило, наверное, килограммов восемь, рукава путались, застёжки цеплялись за кафель. Расстёгивать его было некогда: десять пар застёжек и шнуровка на спине. Она сорвала с головы шапочку с фатой, подумала — и отцепила фату, тонкую, прочную, и сунула за пазуху. Не знала зачем. Руки делали сами.

Окно открылось легко. Снаружи были сумерки, холод и шум реки.

Она пролезла в окно головой вперёд, как кошка в форточку, обдирая локти и цепляясь застёжками за раму. Одна застёжка оторвалась и зазвенела по подоконнику. Атлас затрещал. Ника замерла — услышали? — но за двумя дверями всё ещё говорили и смеялись. Она повисла на руках, нащупала ногами — пустота, пустота... — и разжала пальцы.

Крыша сарая была ниже, чем ей казалось. Или выше — она не поняла. Она упала на мягкую землю, на сухую траву, перевернулась через бок в своём атласе и замерла на самом краю. За краем был отвес — метра три вниз, на камни, а потом склон, заросший кустами, и далеко внизу — река, белая в сумерках.

Вот зачем фата, поняли руки.

Она привязала фату к железной трубе, торчавшей из крыши, — старая антенна, наверное, или водосток, — завязала тремя узлами, как бабушка когда-то учила завязывать мешки с образцами породы. Спустилась по ней на два метра. Фата кончилась. Оставался метр. Ника зажмурилась и отпустила.

Камни. Боль в лодыжке — острая, белая. Но нога стояла. Нога стояла, и это было главное.

Наверху, во дворе, вдруг зарычала собака. Зарычала низко и недоуменно, будто спрашивала. Ника подняла голову. Над краем крыши стояла огромная серая голова с резаными ушами — цепи хватало, оказывается, до крыши сарая. Арсенал смотрел на неё жёлтыми глазами.

— Тссс, — прошептала Ника. — Я тебе сыр давала. Помнишь? Не надо.

Арсенал посмотрел ещё секунду. Потом отвернулся, и цепь загремела, удаляясь.

Ника подобрала подол — тяжёлый, белый, с золотыми птицами, сияющий в сумерках, как сигнальная ракета, — и побежала вниз по склону, к реке, хромая и падая, в одной кроссовке — вторая осталась на крыше сарая.

За спиной, наверху, в доме, кто-то застучал в дверь ванной. Потом закричал. Потом кричали уже многие. А потом над ущельем, покрывая и крики, и шум реки, и стук её сердца, понёсся долгий волчий вой. Это выл Арсенал — впервые за все эти дни.

Ника так и не поняла, для кого — для них или для неё.

Глава 3. Чужая машина

Дамир Северов не спал тридцать часов и хотел только одного: шашлыка.

Спать он тоже хотел, но сон можно было отложить до Кисловодска, а шашлык — нет. Группу из Екатеринбурга они сняли с Бермамыта в четыре утра: четверо мужиков под сорок, в кроссовках и летних куртках, с двумя бутылками коньяка на четверых и одной гелевой ручкой вместо фонарика. Они хотели встретить рассвет над Эльбрусом. Рассвет они встретили в тумане, в километре от обрыва, над которым один из них стоял спиной к пустоте и снимал себя на телефон. В тумане на Бермамыте не видно собственных рук. И края не видно тоже.

Потом был спуск, протокол, разговор с женой одного из мужиков по телефону (она спрашивала, нельзя ли оставить его там), потом второй вызов — сорвавшийся с тропы велосипедист на Седло-горе, перелом ключицы, носилки, скорая. А потом начальник отряда сказал: «Северов, если ты сейчас же не уедешь домой, я тебя сам на носилках вынесу», — и Дамир уехал. Не домой. Сначала — к Аслану.

«У Аслана» был деревянным навесом с четырьмя столами, мангалом и гирляндой с лампочками, которую Аслан повесил на Новый год пять лет назад и с тех пор не снимал. Дамир сел за крайний стол, лицом к дороге, и вытянул ноги. Буран остался в машине — Аслан боялся собак, а Буран был такого размера, что его боялись даже те, кто собак любил.

Телефон завибрировал. Семейный чат — тот, из которого он давно вышел бы, если бы не бабушка. Бабушка Фатима не умела писать сообщения, зато записывала голосовые по три минуты, и без этих голосовых Дамир бы не выжил.

Но писала не бабушка. Писал Мурат, двоюродный брат, и писал капсом:

ВСЕМ КТО В ТАШЛЫ И НА ТРАССЕ. НЕВЕСТА УШЛА. В БЕЛОМ ПЛАТЬЕ. КТО УВИДИТ СРАЗУ ЗВОНИТЕ ТАМЕРЛАНУ.

Дамир прочёл два раза. Потом пролистал вверх. Выше были поздравления. Три дня поздравлений — с сердечками, розами, анимациями из блесток, с фотографией свадебного торта в семь ярусов, с видео, где тётки резали барана. И одна фотография, которую кто-то снял издалека, из окна: двор с фонтаном, на лавке — Лейла и рядом с ней незнакомая девушка в свитере, светлая, с короткой стрижкой. Она смотрела не на Лейлу и не в камеру. Она смотрела на ворота. Так смотрят на дверь в кабинете зубного — и на дверь в камере.

Подпись: *Иншалла, в субботу гуляем! Тамерлан наконец-то!*

Дамир положил телефон экраном вниз.

Он видел эту фотографию ещё вчера, на Бермамыте, в перерыве между поисками, и тогда же понял, что происходит. Понял и ничего не сделал. А что он мог сделать? Позвонить Тамерлану и сказать: «Ты сошёл с ума»? Тамерлан сказал бы: «Дамир, ты пятнадцать лет не ешь за нашим столом. Ты не приехал на похороны дяди. Ты носишь фамилию русской женщины, которая бросила тебя в пять лет. Кто ты такой, чтобы учить меня, как жениться?»

И был бы прав во всём, кроме одного. Мать не бросала Дамира. Её просто не пустили к нему. Но об этом в семье Касаевых знали только двое: бабушка Фатима и он сам.

Аслан принёс шашлык — баранину на рёбрышках, с луком, с тонким лавашом, с диким чесноком, который сам собирал весной и мариновал в трёхлитровых банках. Поставил тарелку, помолчал и сказал:

— Тамерлановы люди дважды проезжали. С фонарями. Спрашивали, не видел ли я невесту.

— И что ты сказал?

— Сказал, что у меня невесты были, когда они ещё в пелёнки делали, — сказал Аслан и ушёл к мангалу.

Дамир съел два куска. Потом перестал жевать.

Из машины доносилось рычание. Низкое, долгое, такое Буран издавал, когда находил человека под снегом. Без злобы, деловито. *Здесь. Нашёл. Копай.*

Дамир встал и пошёл к машине.

Машина у него была старая, девяносто четвёртого года, «Ленд Крузер» восьмидесятый, который в отряде называли Бегемотом. Зелёный, в царапинах, с лебёдкой спереди и с кенгурятником, который пережил две встречи с коровами и одну с самосвалом. Багажник был завален снаряжением: верёвки, рюкзаки, аптечка, спальники, ледоруб, всё накрыто старым брезентом. Заднюю дверь он никогда не закрывал — замок сломался два года назад, а воровать у него было нечего, да и Буран.

Буран стоял на заднем сиденье, перевесившись через спинку, и смотрел в багажник. Хвост у него ходил из стороны в сторону. Кавказский овчар, семьдесят килограммов, чёрно-рыжий, с белой манишкой на груди, нашёл за свою жизнь семнадцать человек под лавинами, и каждый раз радовался так, будто нашёл кость.

Дамир посмотрел через заднее стекло.

Из-под брезента торчал край белого атласа, расшитый золотыми птицами. Птицы были в грязи и в репьях.

Он постоял секунд десять. Для человека, который принимал решения на лавинном склоне за доли секунды, это было очень долго. Потом открыл переднюю дверь и сказал собаке:

— Буран. Сидеть. Тихо.

Буран сел. Хвост продолжал ходить.

Дамир вернулся к столу, завернул шашлык в лаваш, положил на стол тысячу и сказал Аслану:

— Меня сегодня здесь не было.

Аслан посмотрел на него, потом на машину, потом снова на него. Поднял тысячу и сунул Дамиру обратно в карман куртки.

— Тебя сегодня здесь не было, — согласился он. — И если что, Дамир, скажи ей, что чеснок от меня.

Ника лежала под брезентом, свернувшись клубком между рюкзаком и чем-то железным, острым, которое впивалось ей в рёбра. Брезент пахнул бензином, псиной и снегом — да, снегом, у снега есть запах, его не спутаешь, если ты гидросомелье и когда-то ставила в карту талую воду с ледника Алибек.

Она слышала, как ворчит собака. Потом — как открылась дверь, и мужской голос сказал что-то короткое. Потом дверь закрылась, и стало тихо. Потом дверь открылась снова, машина просела под тяжёлым весом, завелась с рёвом и тронулась.

В какую сторону?

Она не знала. Она вообще ничего не знала уже часа три — с тех пор, как скатилась к реке, прошла по камням по колено в ледяной воде (вода была жёсткой, с известью, отметило что-то в голове, что не умело отключаться) и поковыляла вниз по ущелью, в темноту, на звук машин. Дважды мимо неё вверх по дороге проносились фары, и она вжималась в кусты и видела, как из окон шарят лучи фонарей. Потом была гирлянда с лампочками, навес и три машины на стоянке. В двух сидели люди. Третья была старая, зелёная, огромная, похожая на танк, и её задняя дверь была приоткрыта на палец. А в салоне, на заднем сиденье, спала собака размером с телёнка.

Ника не знала, почему выбрала именно её. Может, потому, что пустая. Может, потому, что собака не проснулась, когда она залезала в багажник. А скорее всего — потому, что на заднем стекле была наклейка: синий круг, белый крест и слова «Поисково-спасательный отряд». И что-то внутри неё, какая-то детская слепая часть, подумала: спасатели спасают.

А теперь машина ехала. Дорога была ровная, машину почти не качало, пахло чесноком и мясом — и от этого запаха у Ники сводило желудок. Она считала повороты. Семь. Восемь. Девять.

А на десятом машина затормозила.

Снаружи были голоса. Мужские. Свет фонаря прошёл по заднему стеклу, по брезенту — даже сквозь брезент Ника увидела, как посветлело. Она перестала дышать.

Один из голосов она узнала. Мягкий, с южным выговором. *Не надо кричать, сестра.* Мурат. Он говорил на своём языке, быстро, взволнованно, и водитель отвечал ему на том же языке — неторопливо, низким голосом, и один раз даже засмеялся. Мурат тоже засмеялся. Они смеялись вместе, как смеются старые знакомые.

Всё, подумала Ника. Вот и всё. Спасатели спасают. Дура. Здесь все чьи-нибудь братья.

На заднем сиденье, в сантиметрах от её головы, зарычала собака. Так, что задрожало стекло. Мурат снаружи отшатнулся — было слышно, как захрустел гравий под его ногами, — и сказал что-то, в чём Ника разобрала только одно слово, потому что оно было русское: «Шайтан!» Брань на всех языках Кавказа была общей.

Водитель снова засмеялся. Затем голоса отдалились, хлопнула дверь чужой машины — и Бегемот тронулся дальше.

Ника лежала и не верила.

Она лежала ещё минут двадцать. Дорога пошла вверх, потом вниз, потом асфальт сменился щебнем, а потом машина съехала с дороги совсем, закачалась на кочках и остановилась. Двигатель заглох. Стало слышно воду — близко, громко, с высоты. Водопад.

Хлопнула передняя дверь. Шаги вокруг машины. Ника нащупала рядом с собой то железное и острое, что всю дорогу врезалось ей в рёбра. Пальцы сомкнулись на резиновой рукоятке.

Задняя дверь открылась. Брезент пополз в сторону.

Ника выкатилась из багажника, спиной вперёд, упала на колени на мокрую траву, вскочила — лодыжка взвыла — и выставила перед собой ледоруб, как топор.

— Не подходи! — закричала она. — Убью!

Мужчина не подходил. Он стоял в двух шагах от неё — высокий, в красной куртке с отражателями, с камерой на груди и налобным фонарём, который он сразу выключил, чтобы не слепить её. Руки у него были пустые и опущены вдоль тела, ладонями к ней.

Всё это Ника рассмотрела в свете луны — большой, почти полной, висевшей над скалами. Луна освещала поляну, красные скалы, по которым стекала вода, и его лицо — смуглое, высокоскулое, с недельной щетиной, с белой полоской шрама на подбородке. И глаза, которые она не смогла разглядеть, потому что они были в тени.

— Вы держите его вверх ногами, — сказал он.

— Что?!

— Ледоруб. Вы держите его за клюв. Если собираетесь бить, то ударите меня резиновой ручкой. Неприятно, но не смертельно. Переверните.

Ника посмотрела на ледоруб. Он был прав. Она перехватила его правильно и снова выставила перед собой — теперь острым стальным клювом вперёд.

— Спасибо, — сказала она со злостью.

— Не за что.

— Вы его знаете. Мурата. Вы с ним смеялись.

— Мурата знают все от Ташлы до Кисловодска. У него два высших образования в процессе и ни одного законченного. Мы смеялись, потому что я сказал ему: если бы у меня в машине была невеста, Буран бы её уже съел. А потом Буран зарычал, и Мурат поверил. — Он кивнул на её ногу. — У вас лодыжка распухла. Видно даже отсюда. Вы стоите на ней, и вам больно, и через пять минут вы упадёте. Давайте вы упадёте сейчас, на сиденье, а я посмотрю ногу.

— Нет.

— Хорошо, — спокойно сказал он и сел на траву. Прямо там, где стоял, скрестив ноги. — Тогда подождём.

Они ждали. Луна висела. Водопад шумел. На переднем сиденье собака зевнула с лязгом, как закрываются двери лифта.

Ника продержалась минуты три. Потом ледоруб стал очень тяжёлым, а земля — очень наклонной, и она поняла, что сейчас упадёт, и села сама, на край багажника, и положила ледоруб поперёк колен. Но не выпустила.

— Можно? — спросил он.

Она кивнула.

Он подошёл, сел на корточки и взял её ногу в ладони — осторожно, как что-то хрупкое и потенциально взрывоопасное. Руки у него были горячие — или это у неё нога была ледяная. Он пощупал сустав двумя пальцами, и Ника шипнула.

— Растяжение, — сказал он. — Не перелом. Повезло. Где вторая кроссовка?

— На крыше сарая. У Тамерлана Касаева.

Он на секунду замер. Потом достал из аптечки эластичный бинт и стал бинтовать — быстро, туго, восьмёркой, не глядя, как старая машинистка печатает вслепую.

— Вы знаете, кто я, — сказала Ника. Это был не вопрос.

— Половина Карачаево-Черкесии знает, кто вы. У вас там фотосессия на лавочке разошлась по всем чатам. А вторая половина узнает к утру, что вы сбежали. — Он закрепил бинт клипсой и поднял голову. Теперь луна светила ему в лицо, и Ника увидела глаза: серые. Светло-серые, почти прозрачные, совсем не подходящие к этому смуглому лицу, как две капли ледниковой воды в тёмном стакане. — Меня зовут Дамир. Я спасатель. Это Буран, он тоже спасатель. А это — Медовые водопады. Мы в сорока минутах от Кисловодска, и до рассвета никто сюда не приедет. А вы?

— Что — я?

— Как вас зовут? Не заставляйте меня звать вас невестой. Вам не понравится, а мне тем более.

Ника посмотрела на него. На собаку, которая теперь сидела рядом с хозяином и тоже смотрела на неё — с выражением терпеливого интереса. На своё платье, чёрное от грязи по подолу, порванное на локте, с золотыми птицами, которые продолжали сиять в темноте с идиотским упорством.

И вдруг её затрясло. Не от холода — от чего-то, что поднималось изнутри три дня и теперь дошло до края. Затрясло так, что застучали зубы, и ледоруб на коленях мелко задрожал.

Дамир ничего не сказал. Он снял свою красную куртку и укрыл её плечи. Куртка была тёплая и пахла дымом, ветром и чем-то ещё, что Ника не сумела разобрать, а потом поняла: мужчиной. Просто мужчиной, без дорогого дерева.

— Ника, — сказала она сквозь стучащие зубы. — Меня зовут Ника. И мне нужно в полицию. В Кисловодск. Сейчас же.

Дамир встал. Посмотрел на луну, потом на водопад, потом на неё.

— В полицию, — повторил он так, словно пробовал слово на вкус и оно оказалось горьким. — Хорошо, Ника. Я отвезу вас в полицию. Но сначала вы съедите шашлык. Аслан просил передать, что чеснок — от него.

И протянул ей тёплый свёрток лаваша.

Ника ела, и плакала, и ела. Мясо было невероятное. Чеснок — тоже. Буран смотрел на лаваш с такой глубокой и чистой печалью, что она отдала ему последний кусок.

А Дамир стоял рядом, сложив руки на груди, и смотрел на дорогу, по которой они приехали. И Ника не видела его лица, и не знала, о чём он думает.

А он думал о том, что у майора Дронова в кабинете висит фотография: майор и Тамерлан Касаев на рыбалке, с форелью в руках. И что сам он, Дамир, ещё может развернуться и отвезти эту девушку назад, в Ташлы, и тогда его жизнь останется такой же, какой была. Одинокой, спокойной, честной и пустой, как склон после лавины.

И ещё он думал о матери. О том, что её тоже когда-то везли в Ташлы по этой самой дороге. И никто не остановился у водопада.

Глава 4. Красные камни

В дежурной части пахло хлоркой и растворимым кофе, и Ника подумала, что никогда в жизни ей не было так приятно нюхать хлорку.

Хлорка означала государство. Линолеум, портрет на стене, стенд «Их разыскивает полиция», сержант за стеклом с круглым окошком — молодой, заспанный, с красным следом от рукава на щеке. Всё это было скучно, серо и прекрасно, как надёжный забор.

Ника сидела на жёстком стуле и писала заявление. На ней были дамировские штаны — синие, спасательские, с накладными карманами, подвёрнутые четыре раза и подвязанные на поясе шнурком от аптечки. Флисовая кофта до колен. Шерстяные носки и на левой ноге — кроссовка, на правой — бахила из багажника сорок второго размера, в которую идеально вошла забинтованная лодыжка. Свадебное платье лежало в синем мешке для спальника у неё под ногами. Вещественное доказательство. Ника сама так решила.

Дамир в отделение заходить не стал.

— Я постою снаружи, — сказал он в машине, не глядя на неё. — Если понадоблюсь, просто выйдите на крыльцо.

— Зачем вы мне понадобитесь? Я в полиции.

Он пожал плечами, и в этом движении было что-то такое, что Нике стало неуютно. Но она всё равно вошла.

Заявление писалось трудно. Она дошла до слов «в ночь с двадцать первого на двадцать второе сентября в мой дом проникли трое мужчин» — и остановилась, потому что рука начала дрожать, и буквы запрыгали. Сержант за стеклом принёс ей воды в пластиковом стаканчике. Вода была из кулера, мёртвая, с привкусом пластика и солями жёсткости — артезианская подделка, марка «Кавказский родничок», определила Ника автоматически. Она выпила её в три глотка и стала писать дальше.

Имя «Тамерлан Русланович Касаев» она написала печатными буквами и подчеркнула дважды.

Сержант взял заявление, прочёл, и на его лице ничего не отразилось. Вообще ничего. Это было такое особенное бесстрастие, какое бывает у людей, которые очень стараются ничего не показать.

— Подождите, — сказал он. — Сейчас начальник подойдёт.

Начальник подошёл через сорок минут. За эти сорок минут Ника дважды подходила к окну и видела зелёный бок Бегемота за оградой и чёрную морду Бурана в окне. Дамира видно не было.

Майор Дронов оказался полным румяным мужчиной лет пятидесяти, с усами щёткой и добрыми морщинками вокруг глаз. От него пахло одеколоном и вчерашним коньяком. Он взял её руку в обе свои и сказал:

— Бедная вы моя. Ай-ай-ай. Ну что же это такое. Дикость какая. Пойдёмте ко мне, Вероника Андреевна, поговорим по-человечески. Чай? Кофе? У меня есть хороший кофе, не эта бурда.

Его кабинет был на втором этаже. На стене висели грамоты, фотография майора с губернатором и ещё одна — майор в болотных сапогах по колено в горной реке, с огромной форелью в руках. Рядом с ним, полубоком, в таких же сапогах стоял высокий человек с аккуратной бородой. И смеялся — коротко, как вспышка.

Ника остановилась перед фотографией.

— Рыбалка, — добродушно сказал майор у неё за спиной. — На Архызе, в прошлом году. Семь килограммов, верите? Садитесь, садитесь. Вот сюда, в кресло, ножку вытяните. Бедная вы моя.

И пока он возился с кофемашиной, начал говорить. Говорил он много, мягко и сочувственно. О том, что нравы тут, конечно, дикие. О том, что похищение невесты — это сложная история с юридической точки зрения, потому что там ведь статья сто двадцать шестая, примечание — если похититель добровольно освобождает похищенного, то он освобождается от уголовной ответственности. А ведь Вероника Андреевна сейчас свободна. Значит, технически...

— Я сбежала, — сказала Ника. — Через окно. Это не добровольное освобождение.

— Конечно, конечно. Мы всё выясним. — Он поставил перед ней чашку. — А пока вам надо отдохнуть. У вас есть где остановиться? Дома вам, наверное, страшно. Я понимаю. Давайте я сам вас отвезу. Есть хороший санаторий, тихий, с охраной. Выспитесь, придёте в себя...

У него в кармане завибрировал телефон. Он достал его, взглянул на экран — и что-то на его румяном лице неуловимо изменилось, как меняется вода в стакане, когда в неё бросают крупинку соли.

— Извините, — сказал он. — Жена. Пейте кофе, я секундочку.

И вышел в коридор. Дверь не закрылась до конца — в старом здании полы были кривые, и потому двери везде висели криво и сами приоткрывались. И Ника услышала.

— Да. У меня. Нет, не надо сюда, ты что, тут камеры. Я сам привезу. В «Сосны», да. Пусть там твои ждут. Тамерлан, ну ты же понимаешь, что это в последний раз. Я заявление не регистрировал, но если она пойдёт в следственный комитет... Ладно. Ладно, я сказал. Двадцать минут.

Ника посмотрела на кофе. Кофе был чёрный, с пенкой, и пах очень хорошо. Она осторожно поставила чашку на блюдце — без звона. Встала. Бахила на правой ноге предательски чавкнула.

Окно. Второй этаж. Решётка.

Хорошо, подумала она с каким-то странным, почти смешным спокойствием. Хорошо. Значит, не окно.

Дверь в коридор распахнулась сама.

На пороге стоял Дамир. За его спиной — сержант из дежурки, тревожный, и ещё дальше, в конце коридора, — майор с телефоном у уха, спиной.

— Вероника Андреевна, — сказал Дамир громко и официально, каким-то не своим, казённым голосом, — вас просят пройти в карету скорой помощи. Нужен рентген голеностопа и медосвидетельствование по факту травмы. Иначе заявление будет неполным. Верно я говорю, Вадим?

Сержант Вадим посмотрел на него. Потом на неё. Потом — коротко — на спину майора в конце коридора. И Ника вдруг поняла, что сержанту Вадиму двадцать три года, что у него, наверное, есть сестра, и что ему тоже не нравится всё, что происходит.

— Верно, — сказал Вадим и сглотнул. — Рентген обязательно. Через двор, там ближе.

И пропустил их к чёрной лестнице.

Скорой помощи во дворе, конечно, не было. Был Бегемот — прямо у ворот, на месте для служебного транспорта, с работающим мотором. Дамир практически забросил её на переднее сиденье, сам обогнул машину — и они выехали в переулок ровно тогда, когда с другой стороны к крыльцу отделения мягко подкатил чёрный «Прадо».

Ника смотрела на него в боковое зеркало, пока не свернули за угол.

— Вы знали, — сказала она.

— Догадывался.

— И всё равно привезли меня сюда.

— Вы бы мне не поверили. — Он переключил передачу, и Бегемот с рёвом пополз вверх по крутой улочке. — И правильно бы сделали. Здесь никому нельзя верить на слово. Теперь вы знаете сами. Это дороже.

— А вам? Вам можно верить?

— Мне — тем более нельзя, — сказал он серьёзно. — Я же не сказал вам, откуда знаю майора Дронова.

И до самого парка больше не сказал ни слова.

Из города они сразу уезжать не стали. Дамир сказал, что на выездах их могут ждать, что Бегемота знает каждая собака от Пятигорска до Домбая и что самое незаметное место в Кисловодске — парк. Тысяча гектаров леса прямо в городе, самый большой курортный парк в Европе, сказал он, и в его голосе мелькнуло что-то похожее на гордость.

Он оставил машину во дворе старой пятиэтажки на окраине, у друга-водителя скорой — того звали Стёпа, он вышел в трусах и майке, отдал Дамиру ключи от своей белой «Нивы» и ни о чём не спросил. Потом вернулся с пакетом: джинсы жены, кроссовки жены и свитер с оленями.

— Жена сказала, что оленей не жалко, — сообщил Стёпа Нике. — А кроссовки жалко, но что уж теперь. Привет от неё. Она в инстаграме на вас подписана.

Кроссовки оказались на размер больше, и это было счастьем: лодыжка в бинте вошла.

В парк они вошли не с бульвара, а снизу, со стороны реки. Река называлась Ольховка и была речкой — узкой, быстрой, прозрачной до каждого камешка, с белыми бурунчиками на порогах. Над ней стояли клёны, и клёны были уже совсем осенние — жёлтые, оранжевые, а один почему-то тёмно-вишнёвый, как бабушкина наливка. Листья падали в воду и уплывали, крутясь, вниз, в город, на курортный бульвар, к Нарзанной галерее — куда-то туда, где ещё четыре дня назад Ника была другим человеком.

Тропа шла вверх вдоль реки. Парк был пустым — будний день, утро, курортники ещё сидели на процедурах. Иногда навстречу попадались старушки со скандинавскими палками, старичок с таксой в комбинезоне, белка. Белка спустилась по стволу и нагло уставилась на Нику, требуя орехов. У Ники орехов не было. У неё вообще ничего не было: ни паспорта, ни телефона, ни карты, ни своих трусов. Паспорт и карта остались в сумке, в бабушкином доме. Телефон — в кармане у Мурата. Трусы — в той же белой комнате в Ташлы, в которой с неё сняли всё до белья, и бельё, как оказалось, тоже было их, свадебное, шёлковое. Ника думала об этом и чувствовала, как краснеют уши.

А потом тропа свернула, и слева над рекой поднялись скалы.

Они были красные, цвета кирпича, раскалённого до тёмно-алого. Мягкий песчаник, изрезанный ветром в соты, в ниши, в странные завитки, похожие на арабскую вязь. На скалах росли сосны — кривые, упрямые, вцепившиеся корнями в трещины. И всё это — красный камень, зелёные сосны, жёлтые клёны, синее небо — отражалось в тёмной воде заводи под скалой, и отражение было ярче оригинала.

Ника остановилась. Просто остановилась и стояла, и Дамир тоже остановился и ничего не сказал. Он вообще умел ничего не говорить — важное и редкое умение, которого не было ни у Тамерлана, ни у майора Дронова, ни у Глеба.

— Красные камни, — сказал он наконец, когда она сама посмотрела на него. — Так и называются. Тут фантазия у людей кончилась. Зато дальше будет долина роз, стеклянная струя, храм воздуха и грот Лермонтова, в котором Лермонтов никогда не был.

— А кто был?

— Печорин. В «Княжне Мери». Он там ждал женщину. Правда, тот грот в Пятигорске, но кого это когда останавливало. Нас в школе заставляли учить наизусть. А потом я водил по этим тропам экскурсии, пока учился. Мне платили по триста рублей с человека. И каждый раз кто-нибудь спрашивал, где тут напиться.

Ника спустилась к воде. Опустилась на корточки — осторожно, на здоровую ногу — и зачерпнула ладонями. Вода была ледяная, такая, что заломило пальцы. Она умылась — раз,

другой, третий, смывая с себя ночь, багажник, дежурку, одеколон майора Дронова. Потом зачерпнула ещё и выпила.

И замерла.

Вода была мягкая. Пресная, сладковатая, с едва заметной горчинкой прелых листьев. А под ней — или сквозь неё — проступало то, что она уже слышала однажды. В Нарзанной галерее, в самом конце доломитного нарзана. Нота, которой она не знала. Кремний? Нет. Что-то другое. Очень слабое, очень тонкое, почти призрачное — как запах духов в комнате, из которой час назад вышла женщина.

— Откуда течёт эта река? — спросила она, не оборачиваясь.

— С Бермамыта. Из источников под плато. А по дороге в неё впадает всякое. Ручьи. Ключи. А что?

— Не знаю, — сказала Ника. — Пока не знаю.

Из телефона Дамира она позвонила Соне.

Он не хотел давать. Он сказал, что телефон спасателя — единственная связь с отрядом, что ватсап там трещит каждые пять минут и что номер у него знает весь Кисловодск. Ника сказала, что у неё в Москве есть друг, который сейчас сходит с ума, потому что она три дня не выходила на связь. И что если он не даст телефон, она спустится на бульвар и попросит телефон у первой же старушки с палками, и пусть тогда он пеняет на себя.

Он протянул телефон.

Соня ответила после первого гудка и закричала так, что Дамир в трёх шагах поморщился.

— Ларина! Ты живая?! Ты где?! Ты знаешь, что я тут... Ты знаешь, что твой инстаграм вчера выложил сторис? Какие-то горы и подпись «Нашла своё счастье, не ищите меня»! С сердечком! Ты в жизни не ставила сердечек! Я сразу поняла, что это не ты, а гендиректор говорит, что ты просто влюбилась, и чтобы я не паниковала, и что он найдёт нового сомелье за неделю!

— Соня...

— И Глеб звонил! Три раза! Спрашивал, где ты остановилась, в каком доме, на какой улице! Я ему сказала, что не знаю, а он какой-то странный, Ник, нервный, он сказал, что у него к тебе деловое предложение по дому, и чтобы ты ничего не подписывала, не поговорив с ним... Ника. Ника, ты плачешь? Что случилось?

Ника не плакала. Она смеялась. Сидела на камне под Красными камнями и смеялась — от того, что в Москве всё осталось на месте, что гендиректор найдёт нового сомелье за неделю и что кто-то в Ташлы сидит с её телефоном и ставит от её имени сердечки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.